

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 322

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2024-7-1-7-15>

Исторические науки

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРСКИХ ВЛАСТЕЙ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

***Владимир Васильевич Астафьев,**

****Артём Валентинович Крестьянинов**

**Vladimir.Astaviev@ksu.ru*, ***artkres@mail.ru*

Кафедра отечественной истории и архивоведения

Казанского (Приволжского) федерального университета,

Казань, Россия

Аннотация. В советский период российской истории в автономных республиках Среднего Поволжья в процессе реализации национальной политики стали создаваться научные академические учреждения, в рамках которых появились исторические школы, занимавшиеся изучением конфессиональной политики в имперский период. Главным образом исследователи подвергли критике подходы имперского правительства по отношению к нерусскому и неправославному населению. Переоценка религиозной политики была связана с формулированием нового историографического дискурса о национальной истории народов Среднего Поволжья. При этом сами методологические подходы исследования оказались ограниченными марксистско-ленинской парадигмой, что повлияло на формирование специфического антиколониального дискурса описания имперской конфессиональной политики как феномена исключительно эксплуататорского.

Ключевые слова: конфессиональная политика, советская историография, Среднее Поволжье, национальная политика, система Н.И. Ильминского.

Для цитирования: Астафьев В.В., Крестьянинов А.В. Конфессиональная политика имперских властей в Среднем Поволжье в Советской региональной историографии. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2024;7(1):7–15.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Астафьев В.В., Крестьянинов А.В., 2024

© Наследие и современность, 2024

CONFESSIONAL POLICY OF THE IMPERIAL AUTHORITIES IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SOVIET REGIONAL HISTORIOGRAPHY

*V.V. Astafiev, **A.V. Krestyaninov

**Vladimir.Astaviev@ksu.ru*, ***artkres@mail.ru*

*Department of National History and Archives Studies,
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia*

Abstract. During the Soviet period of Russian history, scientific academic institutions began to be established in the autonomous republics of the Middle Volga region as part of the implementation of the national policy, within which historical schools emerged to study confessional policy in the imperial period. Researchers mainly criticized the approaches of the imperial government towards the non-Russian and non-Orthodox population. The reassessment of religious policy was associated with the formulation of a new historiographical discourse on the national history of the peoples of the Middle Volga region. At the same time, the methodological approaches of the research were limited by the Marxist-Leninist paradigm, which influenced the formation of a specific anti-colonial discourse describing the imperial confessional policy as an exclusively exploitative phenomenon.

Key words: confessional policy, Soviet historiography, Middle Volga region, national policy, N. I. Ilminsky's system.

For citation: Astafiev V.V., Krestyaninov A.V. Confessional policy of the imperial authorities in the Middle Volga region in the Soviet regional historiography. *Heritage and Modern Times*. 2024;7(1):7–15.

Советский период исторической науки стал временем создания и формирования региональных и, в тоже время, национальных историографий (мордовской, чувашской, марийской, татарской и др.). Эти процессы нашли свое отражение в появлении академических научных институтов в образовавшихся автономных республиках Поволжья¹. С одной стороны, в обобщающих трудах по истории церковно-государ-

---

¹ Так в 1920–1930-е годы последовательно возникают в автономных республиках научно-исследовательские центры: Чувашский научно-исследовательский институт (затем Научно-исследовательский институт языка, литературы и экономики при Совете министров Чувашской АССР), Марийский научно-исследовательский институт, Научно-исследовательский институт языка и литературы при Совнарком Татарстана (затем Татарский НИИ языка, литературы и истории), Институт мордовской культуры.

ственных отношений сформировалась основополагающая концепция об эксплуататорской негативной роли церкви и конфессиональных институтов в правительственной политике имперских властей. С другой стороны, в рамках национальных исторических нарративов критика эксплуататорской политики церкви была дополнена дискурсом колониальных действий правительства, направленных на подавление национальных культур народов Среднего Поволжья. Тем самым, религиозная политика православной церкви и правительства стала интерпретироваться как русификаторский проект.

Критическая ревизия и идеологизация исследований уже прослеживается в 1920-е гг. в работах историка, профессора Казанского университета Н.Н. Фирсова. Для него конфессиональная политика являлась отражением национальной политики, основная цель которой угнетение татаро-мусульманского населения Поволжья [1]. Как полагает Н.Н. Фирсов, конфессиональная политика имперского правительства с XVIII века по начало XX века эволюционировала от насильственных методов христианизации к «хитрым методам». Одной из таких «хитрых» форм, по мнению историка, стала система Н.И. Ильминского. Именно Н.Н. Фирсов одним из первых в официальной историографии связал систему образования с колониальной политикой имперского правительства, направленной на русификацию инородцев: «*”Русское просвещение” по системе Н. И. Ильминского должно было не возвышать татар-мусульман, а принижать... посредством него, можно было не только обезличивать татар, но и веревки вить всем русификаторам*» [1, с. 33].

Вообще историографическая тематика, связанная с Николаем Ивановичем Ильминским и его образовательной системой, организованной для обучения православной вере на народных разговорных языках в 1860–1870-е гг., станет одной из ключевой в общей оценке конфессиональной политики. Как известно, появление данной педагогической модели было вызвано массовым отступничеством крещеных «инородцев» в ислам или совершения ими языческих ритуалов. Оригинальность образовательных практик заключалась в следующем. С одной стороны, они были основаны на современных технологиях обучения православного вероучения в школах и на переводах богослужебной литературы на народные языки. Первые переводы Н.И. Ильминского библейских и богослужебных текстов на татарский разговорный язык были уже сделаны в 1861–1864 гг. С другой стороны, эта форма обучения рассматривалась им как один из «русификаторских» проектов. При этом он сам ориентировался на традиционное понимание «русского» как, прежде всего, православного. Поэтому неудивительно, что в начале XX в. в условиях переосмысления русского национализма с конфессиональной идентичности на исключительно языковой, Н.И. Ильминский подвергается критике со стороны консервативных миссионеров, требовавших большей языковой и культурной унификации.

Необходимо отметить, что в 1920-е гг. не все исследователи придерживались взглядов Н.Н. Фирсова на русификаторский проект

Н.И. Ильминского. В эти годы ученики Н.И. Ильминского – Н.В. Никольский и Ф. Егоров, доказывали положительную роль его образовательных практик в формировании национальных культур народов Среднего Поволжья [2, с. 19]. При этом они сознательно не обращались к его религиозным взглядам. В 1948 г. отдельными исследователями еще отмечалась положительная роль педагогической модели в формировании языков, интеллигенции и школ среди народов Среднего Поволжья [3, с. 284], что соответствовало языковой политике, проводимой советскими властями. Тем не менее, полная ревизия исследователями системы Н.И. Ильминского была невозможна из-за ее религиозного направления и связей с православной церковью. Поэтому неудивительно, что уже в 1950–1960-е гг. окончательно утверждается образ, сформулированный еще Н.Н. Фирсовым как «хитрый метод» русификации, основная цель которого – ассимиляция русской культурой нерусского населения региона во второй половине XIX – начале XX вв. [4, с. 433]. Негативный историографический взгляд на Н.И. Ильминского утверждается на всем пространстве региона. В марийской исторической литературе его педагогическую модель исследователи рассматривали как тормоз в развитии светского образования [5, с. 258] и как дальнейший фактор усиления эксплуататорских намерений буржуазии [6, с. 69], в чувашской – как инструмент по русификации и ликвидации этнических групп Поволжья [7, с. 143]. В мордовской историографии лишь частично признали его роль в развитии национального образования: «Система Ильминского объективно сыграла некоторую положительную роль в просвещении мордвы, как и других нерусских народов Поволжья» [8, с. 295].

Если Н.И. Ильминский во многом являлся негативной фигурой, то его непосредственный ученик И.Я. Яковлев в чувашской историографии признавался как виднейший педагог, несмотря на его религиозно-православные взгляды и в том числе переводы богослужебной христианской литературы на чувашский язык. Основную роль в позитивном образе в историографии станут слова В. И. Ленина²: «50 лет своей жизни отдавшего делу национального подъема чуваш и претерпевшего ряд гонений со стороны царизма» [9, с. 533]. В итоге в советской историографии сложится крайне противоречивая ситуация. Несмотря на то, что и Н.И. Ильминский, и И.Я. Яковлев были сторонниками распространения православного христианства на народных языках, первый стал монархистом и великодержавником, второй – просветителем и выдающимся педагогом. Такое концептуальное видение было, прежде всего, характерно в чувашской историографии. Преодолением этой амбивалентной историографической ситуации стало то, что историки или избегали анализа религиозного мировоззрения, или как В.Д. Дмитриев и Д.М. Макаров указывали на «негативную сторону», вызванной эпохой, в которой он жил [10, с. 37].

---

² Как известно, И. Н. Ульянов был директором, а затем и инспектором народных училищ Симбирской губернии.

Необходимо отметить то, что в целом религиозная политика характеризовалась советскими исследователями отрицательно. Конфессиональная политика дореволюционного правительства подвергается критике со стороны татарских историков и публицистов. Г. Ибрагимов, известный татарский писатель, в своей работе о революции также как и Н.Н. Фирсов, описывал имперскую политику по отношению к неправославному населению Поволжья, в частности к татарскому народу, как систему мер «национального угнетения» [11]. Тем самым, по его мнению, конфессиональная политика являлась препятствием для формирования национальных культур народов региона. Как полагает Г. Ибрагимов, имперские власти не достигли своих целей по ассимиляции татар русской культурой, а наоборот привели к замкнутости и консервации татаро-мусульманского населения: *«Вместо ассимиляции татар, получилось сильнейшее отвращение ко всему русскому»* [11, с. 27].

Данная точка зрения была развита доктором педагогических наук Василием Михайловичем Гороховым. Его кандидатская диссертация, написанная в 1939 г., была посвящена образовательной политике имперского правительства по отношению к татарскому населению. С одной стороны, исследователь впервые привлек значительный массив архивных материалов, но с другой – не смог избежать идеологических штампов: *«В народных массах притуплялось и убивалось стремление к получению знаний, которые могли быть использованы для борьбы за освобождение от самодержавного, помещичье-буржуазного гнета»* [12, с. 9]. Автор не обошел вниманием и конфессиональные образовательные институты, созданные Синодом в XVIII – XIX в.: архиерейские, новокрещенские школы, Казанская духовная семинария, Казанская духовная академия. В.М. Горохов признает, что эти школы и образовательные учреждения стали первыми в распространении грамотности среди нерусского населения Поволжья. Однако, из-за узкой религиозной направленности эти школы, как полагает исследователь, не достигли своих целей в связи с тем, что «инородцы» не знали русского языка и подвергались постоянному насилию со стороны светских чиновников и православных священнослужителей.

В 1950–1970-е гг. в академических учреждениях Поволжья проводятся исследования специфики методов распространения христианства среди инородцев региона. Особое внимание, прежде всего, они уделяли внерелигиозному характеру проводимой имперской властями религиозной политике. По мнению историка Д.М. Макарова, политика христианизации была вызвана усилением абсолютистских крепостнических тенденций в государстве [7, с. 135]. Данная гипотеза не была оригинальной, так как еще Н.А. Фирсов в своей работе «Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве» 1866 г. отмечал тесную связь между политикой христианизации и усилением центральной власти в присоединенных регионах. Отдельные исследователи также пришли к выводу, что конфессиональные институты являлись полицейско-административными агентами управления

сельской местностью [13, с. 131]. Поэтому неудивительно, что советские историки рассматривали политику христианизации и как продолжение петровской концепции полицейского государства [14, с. 99].

Несмотря на методологические ограничения в области изучения конфессиональной политики, истории православной церкви в региональных академических учреждениях в конце 1950-х – 1960-е гг. формируется новое направление в исследованиях полисинкретической религиозности поволжских народов. В рамках этой тематики можно выделить работы М. Макарова, П.В. Дмитриева, Н.С. Попова, П.В. Денисова, которые также написали обобщающие труды по истории церковно-государственных отношений в Среднем Поволжье. Авторы научных работ исходили из того, что религиозные взгляды верующих региона представляли собой синтез православного вероучения с языческими «пережитками». Ключевым процессом в построении такого религиозного сознания, по мнению историков, стала насильственная христианизация. Вслед за единой историографической канвой они считали, что проводимая имперским правительством и православной церковью конфессиональная политика преследовала идеологические цели: *«Церковь была призвана насаждать в сознании мысль о неизблемости и вечности существующего строя, подавлять живой интерес трудящихся масс к общественной жизни»* [7, с. 117]. Историк П.В. Денисов указывал на следующие методы религиозной политики имперских властей и православной церкви, которые реализовывались *«не на основе добровольного согласия населения, а путем самых грубых административных методов, насилий и жестоких издевательств над иноверцами»* [15, с. 178]. Следовательно, как полагают исследователи, в основе процесса синтеза языческих и православных взглядов в рамках единого полисинкретического сознания было насилие и жестокость [5, с. 82]. Поэтому неудивительно, что историки оценивают христианизацию «иноверцев» региона как исключительно негативный феномен. Они подтверждают выводы дореволюционных исследователей о формальном принятии христианства в XVIII в. Так, по мнению В.П. Дмитриева, чувашское крестьянство не приняло христианство, так как *«понимали, что православие служит не их интересам и принесет в их среду новую прослойку экономических и духовных угнетателей»* [14, с. 111–112]. Непринятие христианства и провал христианизации являлась неформальным социальным протестом. Ярким примером этого протеста против крепостного и национального гнета государства, как полагали исследователи, стали массовые отпадения «формально» крещеных инородцев в Среднем Поволжье [15, с. 238].

Определенным итогом рассмотрения эксплуататорской роли православной церкви среди инородцев стали межвузовские сборники по истории христианизации поволжских народов, опубликованные в 1988 г. [16, 17], где массовые отпадения от православия рассматриваются как социальный протест против духовенства. Тем не менее, уже появляются и взвешенные оценки о системе Н.И. Ильминского. Так историк Р.С. Кириллов, реконструировав основные этапы деятельно-

сти братства Св. Гурия, обратил внимание на то, что его деятельность повлияла на развитие национальных культур на территории Среднего Поволжья [17, с. 67–68].

Таким образом, в региональных историографиях в изучении конфессиональной политики можно выделить несколько основных тенденций. Главным образом, историки были несвободны от основной идеологической линии, что церковь является одним из эксплуататорских агентов российских имперских властей. Кроме того, сформировалась и другая дискурсивная парадигма описания действий православной церкви и имперских властей как колониальных, направленных на подавление национальных культур. Тем самым исследователи деконструировали позитивный образ церкви и ее цивилизующую роль в жизни народов Среднего Поволжья. В рамках их концепций конфессиональная политика являлась инструментом культурной ассимиляции («русификации») иногородцев региона.

Литература

1. *Фирсов Н.Н.* Прошлое Татарии / Н.Н. Фирсов. Казань: Акад. центр Татнаркопроса, 1926. 47 с.
2. *Никольский Н.В.* Основы инородческого просвещения / Н.В. Никольский. Казань, 1919. 58 с.
3. *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в России (с половины XVII в. до февраля 1917 г.) / А.Н. Григорьев // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 226–285.
4. История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской революции). Т. 1. С древнейших времен до Великой октябрьской революции. Казань: Татарское кн. изд-во, 1951. 660 с.
5. История Марийской АССР. Т. 1. С древнейших времен до великой октябрьской революции. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1986. 300 с.
6. Вопросы дореволюционной истории Марийского края / под ред. А.С. Патрушева. Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 1978. 164 с.
7. *Макаров Д.М.* Некоторые вопросы истории христианизации чуваш / Д.М. Макаров // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 1970. С. 116–150.
8. История Мордовской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1979. 319 с.
9. *Кузнецов И.Д.* Крестьянство Чувашии в период капитализма / И.Д. Кузнецов. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1963. 584 с.
10. *Димитриев В.Д.* И. Я. Яковлев – поборник сближения народов / В.Д. Димитриев // Ученые записки ЧНИИ. 1969. Вып. 42. С. 30–46.
11. *Ибрагимов Г.* Татары в революции 1905 г. / Г. Ибрагимов. Казань: Изд. Гос. изд-ва ТАССР, 1926. 259, III с.
12. *Горохов В.М.* Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья / В.М. Горохов. Казань: Татгосиздат, 1941. 260 с.
13. *Коробов С.А.* Прошлое марийского народа / С.А. Коробов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1957. 159 с.

14. *Димитриев В.Д.* Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина 16 в. – 1861 г.) / В.Д. Димитриев // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при совете министров Чувашской АССР, 1978. С. 81–119.

15. *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш / П.В. Денисов. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 408 с.

16. История христианизации народов Среднего Поволжья и ее марксистско-ленинская оценка: тез. докл. к регион. науч. конф., г. Чебоксары, 13–14 апреля 1988 г. / под ред. П. В. Денисова. Чебоксары: ЧГУ, 1988. 124 с.

17. История христианизации народов Среднего Поволжья: сб. ст. / под ред. Г.Е. Кудряшова. Чебоксары: ЧГУ, 1988. 123 с.

References

1. *Firsov N.N.* Proshloe Tatarii / N.N. Firsov. Kazan': Akad. tsentr Tatnarkoprosa, 1926. 47 p.

2. *Nikol'skii N.V.* Osnovy inorodcheskogo prosveshcheniya / N.V. Nikol'skii. Kazan', 1919. 58 p.

3. *Grigor'ev A.N.* Khristianizatsiya nerusskikh narodnostei, kak odin iz metodov natsional'no-kolonial'noi politiki tsarizma v Rossii (s poloviny XVII v. do fevralya 1917 g.) / A.N. Grigor'ev // Materialy po istorii Tatarii. Kazan', 1948. Vyp. 1. Pp. 226–285.

4. Istoriya Tatarskoi ASSR (s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi revolyutsii). T. 1. S drevneishikh vremen do Velikoi oktyabr'skoi revolyutsii. Kazan': Tatarskoe kn. izd-vo, 1951. 660 p.

5. Istoriya Mariiskoi ASSR. T. 1. S drevneishikh vremen do velikoi oktyabr'skoi revolyutsii. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1986. 300 p.

6. Voprosy dorevol'yutsionnoi istorii Mariiskogo kraja / pod red. A.S. Patrusheva. Ioshkar-Ola: Mar. NII, 1978. 164 p.

7. *Makarov D.M.* Nekotorye voprosy istorii khristianizatsii chuvash / D.M. Makarov // Voprosy istorii i istoriografii chuvashskogo naroda. Cheboksary: Chuvash. gos. un-t, 1970. Pp. 116–150.

8. Istoriya Mordovskoi ASSR. T. 1. S drevneishikh vremen do Velikoi oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii. Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo, 1979. 319 s.

9. *Kuznetsov I.D.* Krest'yanstvo Chuvashii v period kapitalizma / I.D. Kuznetsov. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo, 1963. 584 p.

10. *Dimitriev V.D.* I. Ya. Yakovlev – pobornik sblizheniya narodov / V.D. Dimitriev // Uchenye zapiski ChNII. 1969. Vyp. 42. Pp. 30–46.

11. *Ibragimov G.* Tatory v revolyutsii 1905 g. / G. Ibragimov. Kazan': Izd. Gos. izd-va TASSR, 1926. 259, III p.

12. *Gorokhov V.M.* Reaktsionnaya shkol'naya politika tsarizma v otnoshenii tatar Povolzh'ya / V.M. Gorokhov. Kazan': Tatgosizdat, 1941. 260 s.

13. *Korobov S.A.* Proshloe mariiskogo naroda / S.A. Korobov. Ioshkar-Ola: Marknigoizdat, 1957. 159 p.

14. *Dimitriev V.D.* Rasprostraneniye khristianstva i chuvashskie narodnye massy v period feodalizma (seredina 16 v. – 1861 g.) / V.D. Dimitriev // Problemy religioznogo sinkretizma i razvitiya ateizma v Chuvashskoi ASSR. Cheboksary: Nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri sovete ministrov Chuvashskoi ASSR, 1978. Pp. 81–119.

15. *Denisov P.V.* Religioznye verovaniya chuvash / P.V. Denisov. Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1959. 408 p.

16. Istoriya khristianizatsii narodov Srednego Povolzh'ya i ee marksistsko-leninskaya otsenka: tez. dokl. k region. nauch. konf., g. Cheboksary, 13–14 aprelya 1988 g. / pod red. P. V. Denisova. Cheboksary: ChGU, 1988. 124 p.

17. Istoriya khristianizatsii narodov Srednego Povolzh'ya: sb. st. / pod red. G.E. Kudryashova. Cheboksary: ChGU, 1988. 123 p.

Сведения об авторе

Астафьев Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения Института международных отношений КФУ г. Казань, Россия.

E-mail: v.astaviev@mail.ru

Крестьянинов Артем Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения Института международных отношений КФУ г. Казань, Россия.

E-mail: artkres@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 05.12.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 14.02.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Authors of the publication

Astafiev Vladimir Vasilievich, Ph.D. in History, Associate Professor, Department of National History and Archival Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga) Federal University of Kazan, Russia.

E-mail: v.astaviev@mail.ru

Krestyaninov Artem Valentinovich, Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of National History and Archival Studies of the Institute of International Relations of Kazan (Volga) Federal University of Kazan, Russia.

E-mail: artkres@mail.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 05.12.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 14.02.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.